

ЕСТЬ МНЕНИЕ

А.В.БУЗГАЛИН, Координатор Общественного движения «Альтернативы», Д.Э.Н., профессор

ДЕНЬ «ЕДИНСТВА» ВЛАСТИ ОТМЕТИЛИ ВЫВОДОМ НА УЛИЦЫ ДЕСЯТКОВ ТЫСЯЧ ПОЛИЦЕЙСКИХ...

Искусственно придуманный с целью продвижения к новой «национальной» идее «великого государства» праздник не просто провалился, но и ознаменовался на редкость очевидной демонстрацией всех основных противоречий нынешней системы.

Этот праздник показал **искусственность** всех основных идеологических атрибутов нынешней власти. И здесь комментарии излишни. Даже телекомментатор одного из центральных каналов знаменательно проговорился: «праздник, к которому нам надо [NB!] привыкать [NB!]».

В этот день вновь стало очевидно опора власти прежде всего на репрессивные структуры. Даже в праздник (именно в праздник?) хотя бы относительный порядок в крупных городах можно обеспечить, только выведя на улицы тысячи омонцев и бесчисленное количество милиционеров плюс мощные военные патрули. Центр Москвы, например, был наводнен

стоящими во всех переулках и тупиках спецмашинами с омонцами, что больше всего напоминало дни октября 1993 или иные примеры чрезвычайных положений, но никак не мирный праздник «единства». И что самое главное: жители (в том числе и демократы-антифашисты) были искренне благодарны властям за то, что они вывели столько полицейских. Проблема, следовательно, в том, что **«единство» в современной России может быть обеспечено только путем сдерживания противоборствующих сил при помощи десятков тысяч полицейских.**

Место придуманного Путиным «единства» 4 ноября 2006 года было занято очевидно продемонстрированным гражданами **размежеванием, расколовшим россиян по нескольким ключевым вопросам.**

Первый – деление на сторонников «России для русских» и антифашистов. Этот водораздел неслаучно стал основ-

ным сегодня: он спровоцирован самой идеей праздника, которая явно заигрывает с черносотенными тенденциями, всегда существовавшими в России и ставшими сегодня особенно явными и опасными.

Второй – это вечный для нас, но сегодня так же ставший особенно очевидным раскол между теми, кто стоит в стороне от любых общественных проблем, праздную любящие годовщины, лишь бы повод выпить, и теми, кто готов занять конкретную гражданскую позицию.

Наконец, сегодня присутствовал и **третий**, на самом деле самый глубокий, раскол – раскол на олигархическо-бюрократическую номенклатуру плюс их прислужников и «рядовых» граждан страны. Тех, большая часть которых лишена основ достойной жизни, несмотря на рост отечественной экономики. Сегодня последний раскол был несколько «оттенен» конфронтацией антифашистов и державников-шовинистов,

действующих вкупе с откровенными фашистами, но именно он был и остается причиной двух первых.

Каковы же **причины этих расколов?** Это глубочайшие социально-экономические противоречия, слабость гражданского общества и унижение российской истории и культуры, ставшие ужасающими на протяжении последних 15 лет.

Куда идти молодому человеку, для которого недоступны качественное образование и хоть сколько-нибудь сносное жилье? Что должен чувствовать любящий родную историю и культуру человек, постоянно сталкивающийся с засильем транснационального рыночного фундаментализма и масс-культуры? Как могут защитить свои права рабочие и студенты, крестьяне и беднейшая интеллигенция, если сильных независимых профсоюзов нет, а партии озабочены только пиаром? Как не появиться люмпенскому сознанию в стране с миллионами люмпенов, в том числе среди молодежи?

Но главное даже не в этом. Главное в том, что **фашизм вырастает на базе мецанского равнодушия, формируемого всей нынешней социально-экономической и политико-идеологической системой путинской России.** Думай о том, как добыть деньги, купить побольше шмоток, обустроить дом и все. Вопросы экономики за тебя решит олигарх. Вопросы политики – президент. А в качестве идеологии тебе преподнесут сладкую кашку демагогии о «великой России», одобренную шовинистическим перчиком.

На этой почве и вырастают сначала национализм и державность, а затем фашизм. Вырастают по мере обострения социальных, политических и культурных конфликтов.

Подчеркну: шовинизм и державность, все более открыто пропагандируемые ныне и многими «левыми», и правыми, и – особенно – властью, открывают дорогу фашизму. В Москве это прямо проде-

монстрировал митинг «державников», в котором активное участие приняли профашистские организации. Официальные же идеологи власти (равно как и иные из лидеров КПРФ) при этом сделали вид, что проблемы не существуют.

И еще 4 ноября, на антифашистском митинге левые смогли выступить вместе с центристами и даже правыми против фашизма с позиций прав человека и демократии. Это большой успех. Но для того, чтобы он стал не только первым, но и не последним, нужны новые шаги. Прежде всего, **всем левым необходимо понять, что вне реальной демократии и сильного гражданского общества они никогда не смогут реализовать даже минимальных социальных задач. Правым столь же важно учесть: защита социальных прав человека не менее важна, чем защита прав гражданских. Социально не защищенный человек – потенциальный сторонник фашизма. И тогда – фашизм не пройдет.**

СЕРГЕЙ ЧЕРНЯХОВСКИЙ, профессор Международного независимого эколого-политологического университета

1. ДЕНЬ ИЗУМЛЕНИЯ – 4 НОЯБРЯ

Навязав стране искусственный лубочный праздничный день 4 ноября, власть не только задела значительную часть общества, но-прежнему отмечающую 7 ноября, но и создала для себя новые проблемы.

В течение всего 4 ноября этого года любой гражданин страны мог свободно изумляться тем странным и запутанным сведениям, которые оглашали с несчастным видом ведущие телеканалы, пытавшиеся объяснить, какое отношение этот день имеет как к окончанию смуты 17 века, так, в еще большей степени, к проблемам сегодняшнего дня. Всем своим обликом, всеми интонациями те из них, которые сохранили хоть крупицу собственного достоинства, похоже, пытались дать понять стране: «Простите нас, что мы несем эту чушь!» – с тихой тоской слыша собственные нелепости.

Поляки попали в Кремль не в результате агрессии, а потому, что были призваны туда частью элиты страны.

То есть, все эти события были не единением народа в борьбе с иноземными захватчиками, а объединением части общества в борьбе против другой его части. И началась сама Смута в результате крестьянских восстаний, вызванных усилением их закрепощения. Конечно, эта, объединившаяся в ополчение часть выражала интересы страны, но это был не акт единства, а продолжение ранее начавшегося раскола. Да и плоды победы в итоге достались не вождям народного сопротивления и не самому сопротивлению, а представителям скорее противоположной партии – партии «Тушинского вора», поскольку получившие в результате власть Романовы принадлежали именно к ней, и реально правивший страной с 1618 до 1633 года патриарх Филарет своей сан получил от Лжедмитрия II и был одним из наиболее последовательных сторонников.

Но и какой особой роли православной церкви в этом освобождении также не имеет смысла говорить. Она в лице своих высших иерархов последовательно поддерживала всех самозванцев и узурпаторов этого времени, она же и пригласила польского королевича Владислава на русский трон.

Патриарх Иов, преступивший данную им присягу Федору Годуну, перешел на сторону Лжедмитрия II и практически санкционировал убийство Федора. Сменивший его патриарх Игнатий поддержал Лжедмитрия, заключил Унию с Римской церковью и венчал католичку Марину Мишкев на русский престол. Назначенный Лжедмитрием II патриарх Филарет осваивал борьбу Тушинской партии с Василием Шуйским, последовательно осуществлял поддержку самозванца и поляков. Назначенный Василием Шуйским патриарх Гермоген предал этого царя и призвал на престол королевича Владислава. Благословленный им Филарет и был отправлен в Польшу с челобитной о призвании Владислава.

Вся история глав православной церкви этого времени – это история личных и национальных предательств и усугубления общественного раскола.

Власти не было никакого дела до 1612 года, до Мина и Пожарского, на великой памяти которых, она пытается сегодня спекулировать.

Власть интересовали две вещи. Первая – увести в тень истории 7 ноября как действительно идеологически (и особо – экономически) чуждой и опасной для нее даты. Второе – попытаться утвердить идею единства, понимаемого ею как единство общества в ее поддержке. В этом отношении нынешний праздник прямо противоположен по смыслу действиям народного ополчения Мина и Пожарского.

Смысл первого – в подобоострастном отношении общества к власти. Смысл второго – в восстании гражданского общества против тогдашнего кремлевского правительства.

И в обоих отношениях власть проявила не свое единство с обществом, а свое

расхождение с ним, свой диктат над ним. Она не способствовала установлению общественного единства (которого нет и быть не может при нынешней социальной дифференциации), а обозначила линии трещин и возможных новых расколов.

Первое противостояние – в национальной сфере. Как «свой» день 4 ноября восприняли лишь полумаргинальные черносотенные и откровенно профашистские группы. Реальная атмосфера 4 ноября в той же Москве напоминала не атмосферу традиционных праздников, а атмосферу осажденного города: усиленные патрули чуть ли не в полной боевой выкладке. Нервозное состояние власти и СМИ в «предпраздничные» дни.

Власть получила не «единство народа», а противостояние фашистов и антифашистов, реальный масштаб которого пытались замолчать СМИ. Если в Москве милиция все же разделила эти силы, в Ленинграде она практически не препятствовала фашистскому шествию, но, когда на пути его встали дружины антифашистов, она стала избивать и задерживать последних. Фашистские акции прокатились и по многим другим городам.

Вторая линия противостояния – в самих отношениях власти и общества. Хотя она не имела уличного и политического выраженного противостояния, публичные банкетные власти и ее помпезные мероприятия, энергично транслировавшиеся СМИ, словоблудие десятков тысяч лиц по поводу значения этого дня – с одной стороны. Практически полное неприятие этого обществом – с другой. Пока власть рассказывала о значении праздника, 73% граждан заявили о том, что не намерены его праздновать ни в каком виде и 10% затруднились определить свое отношение к нему.

Уже здесь – свидетельство раскола. Власть празднует и навязывает для празднования то, что не хотят праздновать более четырех пятых общества.

Какое это единство? Кого с кем? И есть народное единство, то оно проявляется лишь в неприятии обществом этой даты.

Можно, конечно, благостно рассуждать, что это естественно, что 4 ноября праздник новый, что к нему люди еще не привыкли, что пройдет двадцать лет – и он займет свое достойное место. Может быть. И осла можно выучить играть на пианино. Но чего стоит праздник, который надо «приучать» праздновать? Это же значит, что люди праздновать не хотят, – но власть считает необходимым его выдрессировать и приучить отмечать то, что людям чуждо и ими отторгается. И что здесь всенародного? Всенародное насилие над устоявшейся традицией?

Да и пока проявляющиеся социологические тенденции говорят скорее не о привыкании, пусть о малом, к этой дате. По данным ФОМ, число считающих, что такой праздник, как «день народного единства», нужен, не растет, а уменьшается. В 2004 году, что такой праздник нужен, говорили 46% населения, в 2005-м – 45%, а в 2006-м – уже только 39%. Нужен, говорили 38%, а в 2005-м число их

И на фоне этого последовательно набирает очки отмененный День Октябрьской революции. В 2003 г. о его важности и значимости для себя говорили 36% (это именно тогда коммунисты потерпели тяжелое поражение на парламентских выборах). В 2004 г. их число возросло до 42% и примерно таким же, чуть больше, оно было в 2005 г. А в 2006 г. увеличилось до 54%. Скачок на 12% процентов, когда признающих 7 ноября значимой датой стало больше половины населения, произошел как раз в период между первым и вторым «празднованием» эфемерного дня эфемерного единства. И это естественно.

Число людей положительно оценивающих Октябрьскую революцию, растет в течение всех последних 15 лет:

в 90-м году их было 49% (23% говорили, что она открыла новую эру в истории человечества, 26% – что она дала толчок социальному и экономическому развитию народов страны), а на сегодня их стало 58% (соответственно – 30 и 28%). И это при том, что, по понятным причинам, число выросших в условиях социализма уменьшаются, а число вошедших в жизнь в «пореформенной России» растет.

Но так думает обобщество. Власть, судя по всему, думает иначе. И, вооружившись иконами и хурговями, торжественно выступает на придуманном ею празднике, все больше напоминая пресловутого короля из андерсонской сказки, вышедшего демонстрировать народу свое новое платье – и гордо демонстрирует свое неглиже, прикрыв срамное место православным крестом. Понимает она при этом свое положение или не понимает – особый вопрос.

И неизвестно, что хуже: то, что она пребывает в протестии относительно ожиданий и оценок народа, или то, что она заведомо измыкает над ним.

И если сегодняшнее положение чем-то и напоминает начало 17 века, то полной неорганизованности, чуждорности Кремля и народа. Тогда в Кремле сидели поляки. Сегодня – их нет. Но дело-то было не в поляках, а во вполне русских боярах, насильевавших Россию. И если уж на то пошло, в конечном счете против них поднялось народное ополчение – поляки были лишь поводом, иноземной охраной, вызванной на подмогу выродившемся боярством.

Пока власть еще имеет силы для своих изоглений над народом (а именно изоглением является административный приказ не праздновать одно, привьюченое), и начать праздновать другое – выдуманное). И прав президент Путин, который, правда, по другому поводу, но сущностью предельно актуально заявил во время своего телеобращения: «Конечно, такая власть никому не нужна».

Проблема только в том, что осуществляя свои выходы власть может сегодня не в силу собственной силы или деспотности, а благодаря тому, что тот же президент своим рейтингом и имеющей лично к нему покровляет и прикрывает властное непотребство.

Его рейтинг сегодня – мощный ресурс. Способный оберегать власть от того, что общество хотело бы сделать с этой властью.

Но безумства власти и ее презрение к народу столь велики, что и его прочность может оказаться не абсолютной. По большому счету, власть сегодня ведет себя по отношению к народу не намного уважительнее, чем вели себя поляки в 1612 году. И опять же, по большому счету, не должна обижаться, если народ отнесется к ней так же.

2. КСЕНОФОБСКИЕ ИЛЛЮЗИИ

Последние месяцы (от столкновений в Кондологе до грузинского конфликта) обострили интерес к национальной теме. Ситуация, по сравнению с советской, принципиально изменилась. Советская трактовка базировалась на идее классовой солидарности и совместного строительства сначала социализма, затем – и коммунизма.

С отказом от этих параметров и началом кризисного развития страны неизбежно должен был встать вопрос – почему, собственно, эти народы должны любить друг друга? Чем они связаны, чтобы считать себя родными и близкими. Традицией и историей? При всех дружественных традициях населения России этносов, в условиях катастрофы и регрессивного развития этого мало. В этих условиях разных людей может скреплять общая беда и совместное противостояние ей. Но такое противостояние должно организовываться неким субъектом. Единственным субъектом, который существовал в данный период, была власть. Но ее единственно референдом была идея «строительства рынка», а рынок, в конечном счете, предлагает, что каждый выживает в одиночку. Когда национальный рынок складывается – он создает реальную связь, объединяющую им. Но это – из другой эпохи. Межэтнические столкновения были заложены самим распадом старой, надэтнической общности – Советского союза.

Между тем, межэтническая напряженность, за счет сдерживающих исторических и культурных факторов, в частности, остатков привитой советским воспитанием интернациональности, вовсе не столь велика, как это может показаться на фоне существующих обострений. Более того, как показывают социологические опросы последние времени, она скорее спадает, чем нарастает. Так, по августовскому опросу Левада-центра, поддержка идеи «Россия – для русских» начиная с 2003 г. с колебаниями имела тенденцию к снижению – в 2004 г. ее поддерживали 21% населения, в 2005 – 16%, в 2005 г. – 19%, в 2006 – 17%.

Одновременно, с 2003 по 2006 с 18% до 28% выросло число тех, кто расценил ее «отрицательно», как «настоящий фашизм».

Однако, напряженность хотя и снижается, но существует.

Вокруг чего она нагнетается? Действительно, во многом, вокруг проблем миграции, подчас некорректного поведения определенных частей мигрантов, в основном связанной с их инокультурностью, равно как и с бытовой ксенофобией части коренного населения.

Именно пожелание ограничить поток приезжающих пока поддерживается большинством населения, хотя и эта цифра снижается.

И здесь есть проблема. Хотя, большей частью, она носит не столько межэтнический, сколько межрегиональный характер.

Существенный наплыв приезжих из других регионов в некий, наиболее благополучный регион, вызывает негативную реакцию жителей вне зависимости от национальности приезжего. И, отчасти, это естественно: если вполне приятный ваш знакомый, придя к вам в гости,

задержится сверх некоего приличного срока, тем более – попытается поселиться у вас дома, это вызовет негативную реакцию, даже если вы к нему относитесь вполне комплиментарно. А тем более, если у вас дома он начнет жить не по вашему, а по своим бытовым правилам.

Эта проблема вытекает из двух причин. Во-первых, страна, так или иначе, полиэтнична. Во-вторых, люди, что естественно, едут из более депрессивных регионов в более благополучные. На самом деле, это положение нельзя исправит, не сделав жизнь в регионах благополучной. Но и в этом случае, люди, хотя и в меньшем количестве, будут тянуться в культурные и административные центры просто потому, что последние по определению обладают притягательностью.

Требования ограничить миграцию в крупные центры, хотя в известном смысле и понятны, на деле трудно осуществимы, о чем свидетельствует опыт других стран. Теоретически, можно ввести институт прописки, в определенных зонах отбирать у людей паспорта и выдавать их лишь по квоте. Вокруг депрессивных зон установить заградительные с пулеметами и колючей проволокой. И так далее, вплоть до тюремного заключения за нарушение паспортного режима.

Однако такие меры не только противоречат «правозащитным» и гуманитарным подходам, но и попросту неэффективны. Поскольку депрессивных и дотационных регионов сегодня больше, чем процветающих, тяга добраться до последних будет только возрастать.

Конечно, по отношению не к своим территориям, а к пограничным странам это сделать легче: разные паспорта, юридически разная территория и т.д. Но это, как минимум требует создания сплошной и укреплённой границы, какой она была в советское время, что просто очень дорого, а ведь современная Россия намного беднее СССР, да и на создание такой границы нужны годы. США при всем своем богатстве и мощи не может прекратить проникновение мигрантов из Мексики, а европейские страны, отторженные от других континентов морем – из Африки и Азии.

Но предположим, что это получится. Практически, это будет означать, что Россия создаст вокруг себя враждебное кольцо, ненавидящее ее, и завидуящее ей. Она утратит остатки былого влияния, после чего соседние страны достаточно быстро превратятся в полуколонии сильных государств, конкурирующих с Россией, и на границе с ней будут стоять уже их войска.

Ксенофобские мечтатели, бредящие идеями выселить, скажем, всех грузин из России, в случае осуществления своей мечты, получат американские или турецкие войска на Кавказском хребте и американские ракетные установки за ним.

При этом страна превратится даже не в осажденную крепость, поскольку для защиты у нее нет сил, а в постоянно уменьшающуюся неконтролируемую центральную властью территорию.

Не так прост, как кажется, и вопрос о «защите инородцев на рынках». Рынок на то и рынок, что на нем побеждает тот, кто сильнее и организованнее. Конечно, открыть рынки для местного производителя и прекратить засилье перекупщиков, тем самым снизив и цены – правильная задача.

Но здесь есть два аспекта. Первый – торговля продуктами из других регионов. Если, скажем, запретить продажу на московских рынках продукции из южных республик и регионов, то это будет означать лишь превращение этой продукции в дефицит. При этом, та продукция, которая не выращивается в близлежащих зонах станет намного дороже.

Второй аспект – пресечение деятельности перекупщиков в отношении местной продукции. Что нас здесь не устраивает? Сам факт перекупки? Само по себе это нормальное разделение труда, тем более – в «рыночных условиях». При нормальной организации данной сферы деятельности, это выгодно как производителю, так и конечному покупателю.

То, что при нынешних формах этой организации происходит ценовой диктат перекупщика? Но, во-первых, при этой постановке вопроса, не обращается внимание на то, что при монополии перекупщика цена на рынке остается ниже цены в окре-

стных магазинах, а по сравнению с ценой в крупных супермаркетах – в несколько раз ниже. Значит, дело в чем-то другом? Может быть в том, что завышающие цену на самые примитивные продукты питания супермаркеты стремятся ограничить конкуренцию со стороны рыночной торговли? Во-вторых, действующие на рынках перекупщики имеют возможность диктовать свою цену по двум причинам: потому, что они осуществляют деятельность монополично, и потому, что они криминализованы. И тому, и другому надо противостоять.

Для преодоления монополизма нужны альтернативные перекупочные структуры. Они могут быть двух видов: созданные государством (тогда нужна другая система организации торговли) или созданные самими производителями (то есть – система сбытовой кооперации). Второе – самое лучшее. Но, поскольку эта система пока не создана – значит, производитель ее пока создать не может. Значит, ему в этом отношении должно помочь государство: помочь с транспортом, с охраной, с организацией. Кто-то верит, что нынешнее государство за это возмещает и сможет это осуществить? Весь курс нынешнего государства и нынешней власти заключается в том, чтобы сбросить с себя как можно больше обязательств: в образовании, в медицине, в культуре. Сделать это было бы нужно, но для этого нужны совсем иные подходы государства и к экономике, и к своим обязанностям.

Криминализация рынков также должна преодолевать не борьбой по этническому принципу – в этом случае на место одних этнических групп просто придут другие. Конечно, озобоиченным этническим комплексам и в офобиями экзальтированным личностям, наверное, станет легче, если рынки окажутся под контролем не у представителей ненавистных им этносов, а у «родных» бандитов. Но обществу и потребителю от этого легче не станет. С криминалом нужно бороться, но не по этническому принципу, а по уголовному. И почему государство это сделать не может – другой вопрос.

Так что даже в относительно частном случае с торговлей на рынках дело заключается не в национальной политике государства, а в выполнении им своих правозащитных, социальных и организаторских функций. Хотите иметь порядок на рынках – создавайте альтернативные системы закупки, в частности – организуйте сбытовую кооперацию. Хотите иметь низкие цены – посмотрите сначала на супермаркеты. Хотите расширить доступ на рынок мелкого производителя – расширите сеть рынков, а не превращайте их в супермаркеты под видом реконструкции и благоустройства. Хотите бороться с этническим криминалом – боритесь с криминалом, как таковым. Не будем говорить сейчас об организации государственной торговли – это совсем иное...

Ликвидация межэтнической напряженности и все то, что можно назвать словами «национальная политика» обеспечивается не погоней за мигрантами. Она обеспечивается решением, как минимум, трех задач:

Созданием пространства «общего дела» и «общей идеи», которые могут интегрировать общество, в частности – превратить конгломерат ста пятидесяти этносов в единую нацию.

Восстановлением экономики депрессивных регионов, которая была разрушена осуществляемыми последние двадцать лет трансформациями, чтобы население этих регионов, представляющее разные этносы, не было вынуждено рваться в благополучные центры любой ценой и на любую работу.

Ведением последовательной воспитательной и правоохранительной работы, когда с одной стороны, создаются художественные образы совместной работы и деятельности представителей разных этносов. Одновременно – жестким применением силы в любых случаях этнической дискриминации и ксенофобской пропаганды, чтобы те, кто на это игрант знали, что это «табу». Когда Верховный Суд США отменил раздельное обучение в школах по расовому признаку, а жители южных штатов пытались не допустить негров в школы для белых, чернокожих школьников туда водворяла даже не полиция, а армия.

Москва. Антифашистский митинг 4 ноября